

Фаянс не в своей тарелке

Дорогами Коласа через Фарфурницкий брод

Деревушка Новый Свержень на 1 960 человек всего в пяти километрах от Столбцов (от столицы — в семидесяти). Председатель Новосверженского сельсовета Анатолий Богдан не отрицает, что здешние места привлекают немало туристов, но куда там до Фаэнцы:

— Мы недалеко от древнего Несвижа. Так что те, кто едет посмотреть на знаменитый замок, заодно заглядывают и к нам. Понятно, почему — в Новом Свержене несколько памятников архитектуры: церковь Успения Пресвятой Богородицы и костел

Святых Петра и Павла XVI века. Сохранилось и здание мельницы XIX века, которое не так давно преобразовали в агроусадьбу. Но об уникальном фаянсовом и фарфоровом производстве, некогда здесь процветавшем, откуда люди узнают? Нет здесь об этом выставок, да и самих раритетов...

Напоминает о славном прошлом разве что название брода на Немане — Фарфурницкий. Откуда оно взялось? За разъяснениями обращаюсь к директору Новосверженской средней школы и учителю истории по совместительству Ивану Хвалею. Тот о предмете моего интереса может много чего поведать:

— Почему Фарфурницкий? Конечно, от фарфора. Мануфактура стояла возле реки. Сейчас от строений завода остались лишь валуны фундамента. Заезжий гость на них и внимания не обратит. А старожилы до сих пор их именуют «фарфурней». Еще один интересный факт: рядом с тем местом, где стояла прежде мануфактура, проходит так называемая коласовская тропа. Якуб Колас, который жил в Акинчицах (нынешний микрорайон Столбцов), ходил на учебу в учительскую семинарию в Несвиж и путь держал мимо.

Узнала я и о том, что до XVIII века деревня именовалась просто — Свержень. Издавна здешние места привлекали торговцев и ремесленников. А тех, кто занимался бы земледелием, в селении проживало крайне мало. Например, в 1681 году земельные наделы были лишь у 28 семей. В это время различных торговых складов и магазинов насчитывалось 44! Много перспектив для местных жителей открывало и соседство с могущественной рекой Неман. Из этого местечка начинался так называемый неманский торговый путь в Королевец (нынешний российский город Калининград). Все эти факторы учел в XVIII веке Михаил Казимир Радзивилл Рыбонька, который и возвел сверженскую фаянсовую мануфактуру.

Лакшери — производство или дань моде

Вообще, самую первую фаянсовую мануфактуру в Речи Посполитой в начале XVIII века открыла Анна Радзивилл. Новое производство осваивали в Бяла-Подляске (сейчас относится к Люблинскому воеводству, что в Польше). Фаянс в те времена ценился чрезвычайно высоко. Взять хотя бы тот факт, что аристократы заменяли серебряную посуду на керамическую! Разумеется, каждый уважающий себя магнат, следуя моде, хотел организовать подобную компанию.

Задумался над этим и сын Анны Михаил Казимир Радзивилл, которому в то время принадлежали земли, относящиеся к современной Беларуси. На мануфактуру

матери он отправил подданных из местечка Мир — Яна Крупуса и Матея Кручковского, где они проучились несколько месяцев. После мастера вернулись на родину и вместе с гончаром Яном Граймовичем в Свержене открыли производство фаянса. Секрет создания посуды и элементов декора был под строжайшим запретом. Подданные Михаила Казимира под присягой пообещали, что никогда и ни при каких обстоятельствах не раскроют тонкости производства фаянса.

С каждым годом мануфактура набирала обороты. Уже через несколько лет сверженский фаянс продавался не только в магазине при производстве, но и в Несвиже, Мире, Кореличах, нескольких европейских странах. При этом Радзивилл издал указ, который запрещал продавать в его владениях фаянс других заводов.

Сохранившиеся отчеты свидетельствуют: на сверженской мануфактуре производили не только посуду, но и курительные трубки, бюсты известных людей, предметы декора, да все что пожелает заказчик. Причем не только фаянсовые, но и фарфоровые. Все делалось из местного сырья. Из-за границы доставляли в Свержень лишь олово, свинец и еще некоторые компоненты... На фабрике было четкое разделение труда. И если к созданию шедевров руку приложили белорусские мастера, то расписывал их специально приглашенный немецкий художник. Безбедно работала мануфактура всего 20 лет — до 1762 года...

Фаянс производили в то время не только в Свержене, но и в Телеханах (горпоселок в Ивацевичском районе), а также, предположительно, в Гродно. Но ко второй трети XIX века это производство на территории нашей страны полностью исчезло.

Вот уже несколько десятилетий при раскопках в различных районах находят фаянсовые раритеты. Сегодня реликвии — порядка 100 фрагментов и около 15 целых предметов — хранятся в замке в Несвиже, представлены и в археологической экспозиции в Академии наук.

Фарфор — в сельский дом

Сегодня фаянсом на промышленной основе никто в стране не занимается. Работает в республике единственный фарфоровый завод в Добруше. Еще шесть лет назад конкурировало с ним аналогичное минское предприятие. Но в 2009-м его закрыли — увязло в долгах, не приносило прибыль.

Только за прошлый год на добрушском заводе с конвейера сошло более 26 миллионов штук изделий! Большинство из которых, 62 процента, отправилось украшать заграничные прилавки. Отечественные фарфоровые предметы, а их насчитывается порядка 4,5 тысячи видов, продаются в России, Казахстане, Азербайджане, Туркменистане, Германии, Турции... Директор ЗАО «Добрушский фарфоровый завод» Олег Парфенюк рассказывает, что основную конкуренцию на нашем рынке им составляет китайская продукция:

— По качеству белорусскому фарфору она зачастую уступает, но сложился стереотип, что китайский фарфор лучше. Люди готовы приобрести любое заграничное изделие, даже самое неказистое, в то время как есть достойная отечественная альтернатива. Купить добрушский фарфор можно в каждой деревне. Свою продукцию мы распространяем через сеть магазинов Белкоопсоюза.

Если говорить о цене вопроса, то белорусский фарфоровый сервиз продают и за 300—400 тысяч рублей, и за 2 миллиона. Стоимость зависит от рисунка, разделки, количества предметов.

Почему не занимаются фаянсом? Невыгодно на фарфоровом заводе запускать линию для такой продукции. Дает о себе знать и конкуренция со стороны Китая.

Технологический процесс создания фарфоровой и фаянсовой посуды и предметов декора существенно отличается — разное соотношение компонентов, режим обжига. Затраты на производство примерно одинаковые, а вот ценность фаянса сегодня ниже, нежели у фарфора. Поэтому приходится выбирать то, что принесет большую прибыль...

Выходит, нам уже не вернуть белорусскому фаянсу былую славу?

Комментарий старшего научного сотрудника Института истории НАН Беларуси Ирины Ганецкой:

— У белорусского фаянсового производства хотя и короткая, но очень важная история. Те изделия, что производились на сверженской мануфактуре, отличались качеством, пользовались спросом и ценились за пределами страны.

Аналоги сверженского фаянса, которые сегодня представлены, например, в Мирском замке, даже близко не стоят рядом с оригиналом. По тем сведениям, которые сохранились, можно в точности восстановить, какой ассортимент выпускался на мануфактуре, как выглядела посуда, какая была роспись, есть и описание техники производства. Плюс такой реликвии в том, что можно запустить не только линию сувениров, но и предметов быта. Этой темой занимаюсь уже много лет, но пока так и не нашелся тот керамист, который бы захотел возродить сверженские фаянсовые изделия. Хотя обращалась ко многим специалистам и готова была предоставить всю информацию...

От автора. В очередной раз убедилась, занимаясь своим проектом, что на территории нашей страны есть немало населенных пунктов, в том числе и небольших деревушек, которые можно и нужно включать в туристические маршруты, а может, и пытаться с учетом финансовых возможностей возродить там уникальное производство. Чем не привлекателен в этом отношении тот же Новый Свержень с его удивительной историей? Помню, один из участников «круглого стола», посвященного развитию отечественных ремесел, который проходил в «СГ» в конце прошлого года, заметил: «В иных западных странах, если человек умеет варить варенье или вязать веник, про него напишут сотни книг, его имя на слуху, а все, что он производит, разлетается с прилавков». А мы почему-то на своих реликвиях, которые опытный европейский пиар-менеджер быстро превратил бы в бренд, а в стране появился очередной пункт, претендующий на звание туристической Мекки, зарабатывать не можем. Или не хотим?

Наталья Борисовец